

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2011 г., № 2

© **В.В. Карлов.** Рец. на: **В.А. Тишков. *Российский народ: Книга для учителя.*** М.: Просвещение, 2010. 191 с.

Новая публикация директора ИЭА РАН, академика В.А. Тишкова посвящена более чем актуальной для всего российского общества теме. Ее актуальность и идеологическая востребованность определяются тем, что за 20 лет, прошедших со времени распада СССР, со всеми сопутствующими этому социальными потрясениями, резко изменившимися статус, положение и сложившиеся идентичности подавляющего большинства советских людей, и в их ряду идентичность государственную, формирование новой идентичности не завершилось. Это отражается и на уровне массового сознания, и в фактическом отсутствии четкой идеологической политики, и в недостатке строгих научных дефиниций. Попытку разобраться с такой ситуацией следует приветствовать, тем более что ее предпринимает известный российский ученый и общественный деятель, который зарекомендовал себя как искусный полемист, не боящийся авторитетов и устоявшихся идеологических или научных клише и не уклоняющийся от обсуждения дискуссионных проблем.

Автор четко определил, к кому обращена книга: это учителя общественных дисциплин, классные руководители и воспитатели – именно те, кто связан с подготовкой к жизни подрастающего поколения, с воспитанием гражданина. Уже во введении заявлено, кому и зачем нужна эта книга, какой круг проблем в ней рассмотрен. В.А. Тишков ясно декларирует, что его как ученого и гражданина не устраивает сложившаяся с советских времен и сохранившаяся донья практика понимания нации как явления этнического, как типа этнической общности, в то время как в преобладающем большинстве современных государств мира под нацией понимается согражданство – население той или иной страны независимо от этнической принадлежности ее граждан. Утверждение понимания современного Российского государства как государства национального – главная задача автора, который подчеркивает, что в современном гуманитарном знании обсуждение подобных проблем относится к области дискурсивных практик и социального конструирования. Утверждение понимания российского народа со всеми составляющими его этносами и этническими группами именно как национального сообщества и внедрение такого понимания в общественное сознание и есть основная цель книги.

Во всех 15 главах книги автор постоянно стремится совместить две главные линии своего изложения: *историческую канву* (фактическую сторону процесса формирования территории России и СССР и ее этнического состава при династии Романовых, при советской власти и в постсоветское время) и *общественный дискурс* относительно восприятия страны и ее населения как национального сообщества. В последнем аспекте рецензируемую работу можно охарактеризовать как “дискурс о дискурсе”.

Особое место во взглядах В.А. Тишкова занимает терминология. Понятиям *нация*, *народ*, *национальное государство* он посвящает гл. 2, но фактически они обсуждаются во всех разделах. Убедительно показано, что использование термина нация в этническом смысле не является корректным по отношению к народам-этносам: изначально в европейской традиции ему придавалось значение “население государства”. К тому же фактически все крупные национальные государства Европы не были и не являются сейчас моноэтническими, но это не мешает относить представителей отдельных этносов, живущих на их территории, к государственной нации (например, шотландцев – к британской нации). Он справедливо удивляется тому, что только в отношении России многие зарубежные и российские исследователи делают исключение и без достаточных к тому оснований заявляют либо об отсутствии российской национально-государственной общности, либо о ее принципиальной невозможности. Автор полагает, что в России такая общность сложилась (или же находилась в процессе формирования) вокруг русского этноса еще при династии Романовых. Он приводит многочисленные факты полиэтничности не только населения страны, но и правящей элиты, примеры употребления понятий “русский” и “российский” в расширительном значении не только по отношению к собственно великороссам. Одной из главных причин исключения России из числа национальных государств В.А. Тишков

Виктор Владимирович Карлов – доктор исторических наук, профессор кафедры этнологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; e-mail: vikarlov@mail.ru

считает утвердившееся представление о России и СССР как империях, сопровождаемое стремлением многих современных (в первую очередь западных) идеологов и ученых обосновать взгляд на Россию нашего времени как на “недораспавшуюся” до конца империю.

Интересны и важны взгляды автора на понятие “империя” и на представление о России и СССР как империях. Он вслед за многими учеными и политиками считает наше государство не вполне типичной империей, поскольку в стране не создавались искусственные преимущества для русских в ущерб другим этносам, но проводилась унификация управления с целью интеграции всех этносов в единую нацию. Придерживаясь идеи о том, что “нация есть продукт идеологии национализма”, В.А. Тишков полагает, что в пореформенный период ведущей формой идентичности в образованном российском обществе становился гражданский (государственнический) национализм. В основе ее были “преданность отечеству и служение России” как “доминирующая идея и жизненная ценность”. Гражданский национализм “превосходил другие формы национализма – от почвеннически русского до периферийного национализма российских меньшинств” (с. 89), поэтому национальные движения в царской России следует считать “маргинальной формой культурных и социально-политических манифестаций”. Остановимся на этом тезисе подробнее.

Нет сомнений, что по отношению к магистральной тенденции модернизации экономики России пореформенного времени партикулярные национализмы меньшинств выглядели маргинальными. В России рубежа XIX–XX вв. действовали крупнейшие предприниматели и финансисты разной этнической принадлежности, и мало кто из них был “замечен” в покровительстве местным национализмам: они хорошо понимали преимущества единого российского рынка для своих коммерческих интересов. Иное дело мелкая и средняя буржуазия, чьи позиции были сильны именно на локальных рынках, поэтому национализм и национальная культура, образование, делопроизводство и т.д. были для этих категорий самодетельного населения своего рода “щитом”. Следует отметить, что Россия очень быстро втягивалась в передовые формы европейской экономики, но ее огромные территории и неравномерность их развития определяли известное отставание больших категорий населения. В национальном вопросе это сказывалось особенно остро. Поэтому и Ленин, убежденно веривший в преимущества единого крупного государства, в период революций 1917 г. четко осознал, что для мелкобуржуазной по преимуществу страны национальный вопрос, как и аграрный, – “вопрос дня”. Это понимание помогло большевикам привлечь на сторону революции мелкобуржуазные массы национальных окраин.

В.А. Тишков вступает в полемику с оценкой национального вопроса в России Романовых А.И. Миллером. Он расходится с позицией Миллера в том, что тот, признав Россию “национализирующимся государством”, проходившим путь развития из империи в нацию, и справедливо отметив разнообразие культурных форм в стране, фактически не замечает процесс зарождения российской общности и идентичности или сводит их к русскому этнонационализму как зеркальному отражению национализмов нерусских народов. В этом важном методологическом вопросе многие авторы нередко делают принципиальную ошибку, пытаясь противопоставить идентичности и идеологемы этнические и государственные.

Несомненное достоинство работы В.А.Тишкова – то, что он четко понимает различие этих форм идентификации и стремится их разграничить. В работе также неоднократно подчеркивается, что идентификация человека ситуативна, и это необходимо иметь в виду при обсуждении подобных сюжетов. Если же мы хотим способствовать внедрению в массовое сознание российской государственной идентичности, для нас особо важно, чтобы именно учителя четко понимали не альтернативность, а взаимодополнительность разных форм самосознания и идентичностей. Но нельзя обойти и объективные особенности формирования государственной и национально-этнических идентичностей в России, связанные с различиями и неравномерностями развития обширных территорий страны и ее отдельных этнонациональных и социальных групп, которые оказывались в результате носителями разных тенденций. Это предопределило впоследствии и противоречивость национальной политики советского этапа, что справедливо отмечается в книге.

Большое внимание автор уделит критике взглядов на Россию и специфику ее национально-этнического состава, на степень общности интересов всего российского народа со стороны приверженцев всех крайних позиций, как этнонационалистического, так и либерального толков. Он верно оценивает пагубность для страны и всех ее народов как экстремистских форм национализма нерусских этносов, так и великорусского шовинизма, указывая, что оба направления естественным образом питают друг друга, но при этом абсолютно не отвечают реальным нуждам этносов, от имени которых они выступают. Не менее опасными представляются автору и взгляды идеологов российского либерализма (рассматриваются публикации Е. Ясина, Э. Паина и др.). Важно, что В.А. Тишков отстаивает свою точку зрения, полемизируя с носителями разных взглядов по вопросам современного состояния и перспектив российского социума, и

последовательно доказывает неприемлемость крайних позиций и необходимость формирования представлений о единстве российского народа, понимая опасность для страны и сепаратистских, и космополитически-либеральных доктрин.

Ценна попытка В.А. Тишкова проследить становление представлений о единстве России и российского народа во взглядах крупнейших мыслителей страны, в лексике и словоупотреблении ее правителей. Понимание народа, русскости, российскости анализируется в творчестве Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина, в переписке и взглядах государственных деятелей (Александр I, С. Витте и др.). К наблюдениям автора можно добавить, что понимание слова *нация* явно пришло в русское образованное общество вместе с идеями французской революции. На родине этого понятия в его трактовке изначально не было оттенка противостояния по линии этническое – гражданское, в основе споров была оппозиция нация – правящее сословие и нация – население страны, подчиняющееся единым законам¹. В этом отношении зарождавшееся понимание *российскости* по принципу принадлежности к стране и ее народу, как справедливо полагает автор, не отличалось от того, как такие идентичности понимались в Европе. В российской этнографии этого периода понятие нация вообще отсутствовало, что подтверждает мнение В.А. Тишкова об ошибочности попыток этнизации этого понятия. Отметим, что он уже более 20 лет последовательно критикует причисление нации к категории типов этноса.

Придание термину этнического оттенка произошло не в среде профессиональных этнологов: он был навязан этнологам под давлением официальной идеологии советского времени специалистами в области исторического материализма, которым понадобилось подогнать под марксистскую формационную парадигму понятие о типах этнических общностей, высшим из которых была объявлена нация в определении И.В. Сталина из его статьи 1913 г. Но даже у Сталина не сказано, что нация – это высший тип этнической общности.

Достаточно большое внимание в работе уделено советскому народу и его идентичности. В.А. Тишков справедливо отмечает, что советский народ был единой и достаточно монолитной общностью, а СССР – национальным государством в общеевропейском понимании, причем его формирование совпадало с “магистральной” линией создания государственных общностей эпохи модернизации. Это мнение – не дань советской пропагандистской дефиниции “новой исторической общности”, с которой автор не согласен в части декларирования ее якобы исключительности в ряду социально-национальных феноменов. Для него общность советского народа как национально-государственная категория – констатация реального положения вещей.

Важен вывод автора, что российский дореволюционный и советский проекты – это европейские проекты. Интересно в данном аспекте его отношение к евразийской концепции как в ее классической, так и современных неоевразийских вариациях (гл. 14). Соглашаясь со многими положениями евразийства, В.А. Тишков настороженно относится к трактовкам, определяющим особый цивилизационный путь России и ориентированным на дистанцирование от “европейскости”, при довольно смутном представлении о месте России в мире (А. Дугин). Больше симпатий вызывают у него появившиеся региональные варианты евразийства (Урал, Сибирь, Дальний Восток), которые объединяет “поддержка тезиса о цивилизационной общности между самыми отдаленными частями страны и ее жителями с остальным ее населением” (с. 162). Представляется оправданным и корректным его мнение о том, что при всех особенностях российской истории в целом и российский, и советский ее периоды сопровождались европейской цивилизаторской и модернизационной миссией в Евразии по отношению ко всем входившим в состав державы народам (с. 165).

Разумеется, в книге, посвященной столь сложным и дискуссионным вопросам, немало тем, требующих более глубокой научной проработки и вызывающих желание поспорить. Назову один из таких сюжетов. В главе, посвященной новому российскому проекту (гл. 12), где речь идет о необходимости формирования идеологии российского государственного национализма, В.А. Тишков вслед за британским историком А. Ливеном проводит различие между патриотизмом и национализмом (в государственнической форме). Отличие видится в том, что источник патриотизма – мифологизированное прошлое, национализм же базируется не только на этом, но и на вере в великое будущее нации, т.е. патриотизм – явление в большей степени консервативное, обращенное назад. Автор отмечает, что у современных российских националистов вера в светлое будущее хотя и составляет важную часть их идеологии, но она при этом есть форма отторжения современности (с. 135). Сравнивая российский вариант национализма с аналогичными идеологиями других стран, он замечает, что “нигде не наблюдается столь шизофреническая смесь обращенного назад и вперед национализма, образующаяся с целью отрицания современной ситуации”, как это имеет место у нас (там же). Я бы определил ситуацию несколько по-другому. Шизофреническим является не столько восприятие русских/российских государственнически

настроенных националистов и патриотов. Куда более шизофренична господствующая в СМИ идеология, представители которой упорно стремятся вычеркнуть из исторической памяти народа события недалекого прошлого, многие из которых могут вызывать законную гордость нормального россиянина, всячески стараясь подчеркивать отрицательные явления нашего прошлого и одновременно выступая с апологией настоящего, не замечая острейших его противоречий, а также с пропагандой радужных перспектив на будущее, без малейших попыток внятного обоснования целей движения страны. Пока такие записные политологи и эксперты “правят бал” в общедоступных каналах национального дискурса, ожидать формирования адекватной состоянию российского общества национальной идеи и национальной идентичности довольно сложно.

К счастью, сказанное выше не относится к рецензируемой книге. С идеологической точки зрения она адекватна насущным задачам российского общества, а критерий адекватности ситуации и перспективам – единственный критерий оценки правильности идеологических постулатов. Можно согласиться с автором, что новый российский проект действительно должен включать целенаправленное формирование российской государственной идентичности, сознание единства отечества и идеологию государственного национализма (или патриотизма – я не склонен делать между патриотизмом и национализмом, как его понимает автор, серьезных различий). Но работа полезна еще и тем, что она побуждает к постановке большого круга актуальных проблем, как в общественно-политическом смысле, так и в научной сфере. К первым я бы отнес необходимость серьезного измерения и анализа на уровне демоскопии социального состояния российского общества. В высказываниях Ортеги-и-Гассета о нации есть одно важное рассуждение, созвучное нынешнему состоянию российского социума. Он неоднократно подчеркивает, что нация как общность не может состояться без ясного представления всех составляющих ее социально-профессиональных и классовых ингредиентов о том, что они необходимы друг другу (*Ортега-и-Гассет* 1994). Есть ли такое осознание у современного российского общества – вопрос праздный, особенно в отношении “элиты”. В.А. Тишков в одной из глав справедливо замечает, что ментальное состояние российской элиты обескураживает (речь идет о вопросах национальных). В социальных вопросах оно обескураживает еще более. Вывод первый – необходим широкий общественный дискурс по проблемам социального состояния и движения социальных связей в обществе, который должен быть положен в основание стратегии социально-политического сообщества страны как целостности. Без такого осознания проект формирования прочной российской идентичности осуществиться не сможет.

Правильно, что книга адресована учителям как важнейшей силе, закладывающей основы гражданственности. Но встает вопрос о профессиональной подготовке учителей. Необходимо вводить в пединститутах соответствующие курсы, ориентированные на знания в области социальной психологии; одной идеологической пропаганды для достижения обозначенных в книге целей недостаточно. В такой стране, как Россия, необходимо просвещение учителей и в области этнологии и этнографии, но эти дисциплины преподаются в педузах редко. Если учесть, что сейчас страна наводнена сочинениями сомнительного содержания на национально-этнические темы, это стало бы реальным способом как-то противодействовать такому “разгулу темных стихий”, т.е. поставленные задачи влекут за собой большой круг серьезных практических шагов.

Работа В.А. Тишкова способна и должна дать импульс осмыслению и переосмыслению целого ряда научных задач этнологии и смежных дисциплин. В особенности это касается понятийно-терминологического арсенала этнологии, который не только в чем-то значительно устарел, но, кроме того, нуждается в коррекции применительно к современной специфике процессов этнокультурного воспроизводства, значительно изменившихся в эпоху постиндустриального общества и глобализации.

Примечание

¹ Выразителями антитезы стали Ж. де Местр, в понимании которого нация – это “суверен и аристократия”, и аббат Сиейес, определивший нацию как “совокупность объединенных индивидуумов, живущих под общим законом и представляемых одними и теми же законодательными органами” (цит. по: *Козинг* 1978: 39).

Литература

Козинг 1978 – *Козинг А.* Нация в истории и современности. М., 1978.
Ортега-и-Гассет 1994 – *Ортега-и-Гассет Х.* Этюды об Испании. Киев, 1994.